

Глава 6

Министр Тао на мгновение задумался:

«Теперь мне все понятно. Оказывается, Чжан Пин, вы не изменили сценарий в соответствии с требованиями руководителя группы Цзиня, из-за чего он до сих пор думает об этом, даже когда находится в коме. Три слова «Великий желтый бессмертный» относятся к вам. Чжан Пин, пока что все улики против вас. Как вы собираетесь защищаться?».

Чжан Пин опустил голову:

«Мне нечего сказать в свою защиту».

Услышав это, выражение лица жены Цзинь сразу же изменилось:

«Я умоляю вас быстро закрыть дело и наказать этого человека за содеянное».

Министр Тао погладил бороду, покачал головой и вздохнул.

В этот момент к нему подошел Ван Янь и сказал:

«Министр, этот покорный слуга считает, что в этом деле есть еще много сомнительных аспектов. Почему бы нам не продолжить расследование этого дела еще на пару дней? Может быть, мы найдем более весомые доказательства».

Министр Тао кивнул:

«Согласен. Тогда сейчас мы заканчиваем наше заседание суда. Жена Цзинь, будьте уверены, решение будет принято справедливо».

Чжан Пин был временно заключен в тюрьму, и поскольку не было достаточно доказательств того, что Чэнь Чуо был сообщником, он был освобожден после суда. Плача и рыдая, жена Цзинь ушла со своей трупой.

Министр Тао снял свою одежду после суда, и Лан Цзюэ воспользовался этой возможностью, чтобы подойти и объяснить свое намерение приехать. Получив письменное разрешение министра Тао, он отправился в хранилище досье, чтобы изучить файлы.

Хотя это была всего лишь формальность, он не мог быть небрежным. Ближе к вечеру Лан Цзюэ закончил. Выйдя из хранилища, он пошел сообщить Ван Яню о результатах своего осмотра.

Лан Цзюэ сидел у книжного шкафа и писал протокол для расследования файлов, в то время как Ван Янь сидел в стороне, глядя на чашку чая, потирая виски.

Лан Цзюэ не мог не улыбнуться:

«Почему помощник министра Ван так много вздыхает?».

Ван Янь ответил: «Ай, мои коллеги и я весь день сопровождали нашего главного министра в обсуждении этого дела. У меня аж голова разболелась».

Лан Цзюэ окунул кисть в чернила:

«Похоже, ваш главный министр решил, что преступником является Чжан Пин, так почему у вас болит голова?».

Ван Янь ответил:

«Наш министр Тао всегда был осторожен и жалел слабых. Он постоянно боится, что вынесет неправильное решение по делу, поэтому всегда колеблется».

Лан Цзюэ ничего не сказал. Сегодняшнее судебное разбирательство по делу главного министра Тао поистине открыло ему глаза. Жалкий Чжан Пин неожиданно столкнулся с такой ситуацией - кто знал, превратится ли он в другую несчастную душу в Цайсико1.

Ван Янь сделал глоток чая:

«Мне это дело кажется странным. Почему-то, я уверен, что Чжан Пин не может быть преступником».

Лан Цзюэ по-прежнему молчал. Когда он закончил писать запись и чернила высохли, Ван Янь проштамповал ее и поместил в архив. Внезапно он спросил:

«Вы свободны сегодня вечером?».

Лан Цзюэ ответил:

«После того, как я закончу архивирование в моем служении, у меня не будет больше дел. Может быть, вы хотите пригласить меня на ужин?».

Ван Янь рассмеялся и сказал:

«Не лучше ли послушать новую пьесу, чем есть? Что вы думаете по этому поводу?».

Лан Цзюэ улыбнулся:

«Помощник министра Ван, если вы собираетесь расследовать сегодняшнее дело, разве не будет странным, если я пойду с вами?».

Ван Янь ответил:

«Вы говорите так, как будто вы очень хорошо себя ведете. Будьте уверены, я не доставлю вам проблем. Мне просто нужна ваша помощь. Я, так сказать, угощу вас сегодняшним спектаклем, но можно ли его поставить у вас дома?».

Вечером водный павильон Сюаньлуо в резиденции помощника министра Лана был задрапирован вуалью, ярко сверкал свет, и шторы колыхались на ветру. На временно установленной сцене ученый тащил даму и эмоционально пел:

«Моя хорошая сестра, последние несколько дней мое сердце было разбито от тоски. Чай не мог остановить мою тоску, и моя еда не была такой же вкусной, как прежде. Каждый день я наблюдаю за тобой из павильона и раздумываю, думаешь ли ты обо мне...».

Ван Янь сказал:

«Ай, это действительно хорошее место для прослушивания музыки».

Служанка поклонилась и налила еще чаю. Взгляд Лан Цзюэ скользнул в сторону, где он увидел кусок одежды, торчащий за колонной.

Лан Цзюэ пробормотал:

«Выходи».

В этот момент из-за колонны вышла маленькая фигурка, опустив голову и слов руки в знак приветствия Ван Яню.

Ван Янь заговорил:

«Прошло много времени с тех пор, как я был в вашей резиденции. Ваш уважаемый сын подрос. Я помню, что тебя зовут Лан Хуэй, верно? Садись, послушай пьесу».

Лан Хуэй радостно поднял голову, но снова опустил глаза, увидев выражение лица Лан Цзюэ.

Лан Цзюэ сказал:

«Ты еще молод, поэтому тебе не следует смотреть эти пьесы, в которых изображена страстная любовь между мужчиной и женщиной. Вернись в свою комнату и проверь свою работу. Если не будет, чем заняться, просто спи».

Лан Хуэй кивнул и неохотно направился в свою комнату.

Лан Цзюэ остановил его и спросил:

«Ты ужинал?».

Лан Хуэй ответил:

«Да. Кстати, дядя попросил меня навестить его во время праздника лодок-драконов, чтобы съесть Цзунцзы».

Лан Цзюэ сказал:

«Тогда ты можешь идти. Твой двоюродный брат Тонг будет участвовать в предварительном экзамене в этом году, поэтому мне нужно избегать его, и я не пойду с вами».

Лан Хуэй кивнул и попрощался со своим отцом и Ван Янем. Затем охранник отвел его обратно в комнату.

Ван Янь усмехнулся:

«Вам не кажется, что вы слишком строги к своему сыну? Ему ведь будет уже восемь лет в этом году, что плохого в том, чтобы разрешить ему посмотреть этот спектакль? Мои три дикие обезьяны постоянно смотрят спектакли с бабушкой. Конечно, они подглядывают, и я это прекрасно знаю, но ничего не говорю, пусть смотрят».

Лан Цзюэ взял свою чашку и взболтал плавающие листья:

«Меня никогда не волновало, какие пьесы он смотрит. Однако он должен смотреть хорошие пьесы. Такая труппа играет не совсем приличную пьесу. У вас же дома явно не такие сценки

показывают? Или вы хотите сказать, что с радостью разрешили бы своим сыновьям посмотреть такое?».

Ван Янь сложил ладони в знак капитуляции:

«Признаю, я ошибся».

С учетом сказанного, спектакль на сцене уже закончился. Паж подошел к краю сцены, преклонил колени и сказал:

«Приветствую вас. У нас для вас приготовлен еще один подарок. Далее мы покажем вам пьесу «Встреча под луной».

Лан Цзюэ нахмурился:

«Нет, я не хочу смотреть эту пьесу, есть ли у вас какие-нибудь еще?».

Мальчик-паж отступил в страхе и трепете. Через некоторое время подошел мужчина средних лет. Мужчина играл роль клоуна и уже нарядился соответствующим образом. Вытирая свой белоснежный нос, он протянул список и уважительно сказал:

«Если вы не любите смотреть литературные пьесы, тогда я найду некоторых людей спеть пьесу о боевых искусствах».

Лан Цзюэ медленно пролистал список:

«Вообще-то, я бы хотел послушать литературные пьесы. Однако все ваши пьесы об одаренном ученом и красивой девушке. Я устал их слушать. У вас нет ничего нового?».

Мужчину взволнованно ответил:

«Все есть. Может, вам нравятся мифологические пьесы? У нас есть одна, которая называется «Госпожа древнего колодца», об ученом и водном призраке. Так же, есть «Обида Феи» о пастушке и ткачихе, и еще одна – «Очаровательная дева».

Лан Цзюэ сказал:

«Как-то все очень банально. Нет ничего посвежее? Как девушка, например, встречает бессмертного лиса...».

Выражение лица мужчины сразу же изменилось, и он заколебался.

Лан Цзюэ приподнял брови:

«Может быть, вам неудобно петь у меня дома?».

Мужчина ответил:

«Вы что, возможность петь в резиденции мастера Лана – благословение для всех нас. Просто это новая пьеса, и ее еще не добавили в нашу брошюру. Мы исполняли ее всего несколько дней, поэтому боимся, что новые слова будут плохо спеты, и вам снова не понравится».

Заговорил Ван Янь:

«Не переживайте, мы не будем вас винить. Все в порядке, мы хотим послушать новую пьесу».

Лан Цзюэ добавил:

«Мы просто слушаем - все будет хорошо, даже вы сделаете ошибки в пении».

Мужчина несколько раз кивнул в ответ и ушел с пажиком.

Вскоре после этого началась пьеса; он назывался «Молодежь лисы».

Ван Янь сказал:

«Мне кажется, лучше было бы назвать пьесу «Молодежь ласки».

На сцене женщина, одетая как благородная дама. Она склонилась на кушетке, держа в руке круглый веер, и начала петь:

«Пришла еще одна весна, как же красиво, вокруг цветут цветы. Я устало смотрю на великолепие весны и беру свое Зеркало Линхуа. У человека в зеркале нет ни малейшего намека на весенний цвет лица...».

Лан Цзюэ подумал о том, что Чжан Пину очень красиво удалось описать весну и настроение девушки.

Знатную даму в пьесе звали Юди. Надеясь на любовные чувства, она зажгла в храме благовония. Неожиданно статуя бога внезапно открыла рот и заговорила с ней:

«... Я бессмертный с Небес, который иногда спускался в мир смертных. Видя вашу искренность и решительность, я решил подарить вам свадьбу в саду за домом в полночь ...».

Вернувшись домой, Юди подумала: «Статуя, вырезанная из дерева и глины, говорила такие странные вещи. Боюсь, на свете нет бессмертных. Видимо, кто-то решил обмануть меня».

Ван Янь сказал:

«Эта женщина внезапно стала проницательной».

Как только он закончил говорить, Юди внезапно сказала:

«Я не должна так думать. Все боги имеют добрые намерения помогать смертным существам. Поскольку я была просветленной, как я могу не встретить идеального человека, которого мне подарили небеса ...?».

Итак, Юди пошла в сад за домом и встретила молодого человека в маске. Хотя Юди не могла видеть его лица, она была ошеломлена ароматом, исходящим от него.

Посмеявшись и поговорив с ним, Юди вернулась в свои покои и снова запела:

«Успокой свое сердце и хорошенько подумай. Вам не кажется, что вам неосознанно все холодно? Призрак он или человек, до сих пор не понятно, и правда это или ложь - неясно. Аромат был подобен супу экстаза, из-за которого я не могла не похоронить свою невинность. Что я...».

За занавеской высунулась голова и пробормотала:

«Неправильно, неправильно...».

Лан Цзюэ поднял руку, останавливая спектакль. Затем он вызвал участников труппы и спросил:

«Почему вы сказали, что это неправильно?».

Некоторое время мужчина с белым носом колебался, а затем нерешительно сказал:

«Мастер, честно говоря, позже пьеса была изменена. Наш руководитель сказал, что оригинальный сценарий был неудачным, и кто-то исправил его. Поэтому я и сказал, что слова были спеты неправильно, это были слова из оригинала».

Лан Цзюэ спросил:

«Та первая часть, которую пела Юди, когда она впервые вернулась из храма, тоже была неправильной? Значит, разделы после этого и от начала пьесы были переделаны, верно?».

Мужчина кивнул.

Лан Цзюэ теперь все понял. Юди хранила сценарий в круглом веере, который она держала. Скорее всего, ошибка произошла из-за того, что она взяла веер с оригинальным сценарием, из-за чего неправильно пела.

Лан Цзюэ улыбнулся:

«Неважно, все хорошо, продолжайте».

Мужчина поблагодарил его и ушел. Юди сменила свой веер и снова запела. Мелодия осталась прежней, а вот слова были совершенно другие.

«Успокой свое сердце и хорошенько подумай. Теперь он мой муж. Мой дорогой Ху, я очень хочу, чтобы завтрашний день мгновенно превратился в ночь, чтобы снова увидеть тебя ...».

Юди и ее муж Ху тайно обменивались супружескими привязанностями в течение нескольких дней, прежде чем Юди внезапно обнаружила, что что-то не так с ее мужем.

В другую нежную ночь Юди спросила:

«Муж, а почему у тебя хвост?».

Муж Ху наконец признался:

«Я не должен тебе лгать. На самом деле я лис, а не бессмертный».

Муж Ху сказал, что он лис, который хочет быть бессмертным. Он влюбился в красоту Юди, поэтому встречался с ней каждую ночь. Муж Ху также сказал, что богатый аромат на его теле должен был скрыть его запах лисицы.

Юди снова запела:

«Но почему ты всегда отказываешься показать мне свое лицо? Может быть, ты все еще лжешь мне?».

Затем она подошла к краю сцены. Когда Юди обернулась, муж Ху обнял ее за плечи, после чего обернулся к ней спиной. Затем ее круглый веер прекратился в стрекозу.

Лан Цзюэ не мог не рассмеяться.

Юди запела:

«Не надо лгать мне. Даже если ты лис, а не бессмертный, мое сердце все равно будет принадлежать тебе».

На второй день замужняя сестра Юди вернулась домой. Юди сказала ей, что она влюбилась в бессмертного и вскоре собирается уйти с ним. Так же, она попросила сестру извиниться за нее перед родителями.

Ее сестра думала, что Юди заблуждается. Несколько дней спустя семья внезапно обнаружила, что Юди пропала. Остались только письмо и саше.

В гористом лесу Юди и муж Ху прижимались друг к другу.

К тому времени, как спектакль закончился, было уже четыре часа ночи. Цзюэ приказал своим людям наградить труппу. Ван Янь пробормотал:

«Боюсь, преступник на самом деле не Чжан Пин».

Лан Цзюэ считал неуместным что-либо говорить. Он просто взял в руку уже остывший чай и сказал стюарду:

«Позови руководителя труппы. Просто скажите им, что я считаю, что эта пьеса действительно хороша, и мне хотелось бы увидеть оригинальный сценарий».

<http://tl.rulate.ru/book/52773/1476904>